

О ДОБРОЙ ПАМЯТИ, О НАШЕМ ВРЕМЕНИ И ПРАЗДНИКЕ ЛЮБВИ

По-разному происходит знакомство с новой книжкой. Бывает, испытываешь удовольствие и удовлетворение, бывает — плохо сдерживаемое раздражение и полное неприятие. Но случается, что с ней хочется познакомиться поближе, как с человеком, уже при первой встрече отметившимся незаурядностью ума, тонкой шуткой и интеллигентностью. Поэтический сборник Николая Романовича Левченко относится именно к этому разряду.

Его название — «Осень в Благовещенске» — как, впрочем, и кажущееся на первый взгляд, содержание, настраивают на восприятие картин природы, в которых Левченко-художник (одарил же Господь человека талантами!) давно зарекомендовал себя искусственным мастером. И в предыдущих его книжках, и в рецензируемой, природа предстает перед читателем действующим лицом, одушевленным существом, постоянно находящимся в движении. Автор, у которого «сошлись в душе в щемящее единство и книжка на столе, и за окном пейзаж», вызывает доверие. Но по мере прочтения книги становится очевидным несоответствие непритязательного названия с ее истинным, по-настоящему глубоким, многоплановым содержанием.

Как вдумчивый, не торопящийся отбыть номер, экскурсовод Николай знакомит нас с картинами виртуальной выставки, представленной пейзажами и зарисовками времен года. Мне понятно и знакомо, как зимний «перламутровый рассвет» пробивается к нам сквозь заснеженную частоту деревьев, мне близки чистые истоки российских рек, утоляющих жажду не только усталых путников, но будущих мессий, до поры до времени безвестных. В поэтических сюжетах много света, — солнечный ли это отблеск, мерцает ли свеча. Между скромными, милыми русскому сердцу березками действительно витает свет небесный, благословляющий чистые души и дающий им отдохновение в наше непростое время. Мы привыкли к тающему снегу, а у Левченко в преддверии осени тает август. Дабы не спугнуть тишину, не нарушить первозданности природы и лирического строя элегии, он шепчется с летом, вместе с осенью вздыхает о прошлом. И жалеет, что

**Все в этой жизни неслышно
уходит,**

уходит,

уходит.

Он и в поэму о Благовещенске, давшую, кстати, название всему сборнику, привнес немало жанровых сюжетов, рассматривая сквозь крону деревьев драматургию былых и теперешних событий. Трудно назвать Благовещенск столицей. Да ну их, эти мегаполисы, подальше! У нас все проще и понятнее — «больше постоянства, наивней доброта, бесхитростней зрание». Николаю симпатична одноэтажная, деревянная часть нашего города, где детский глаз радуется разнотравью во дворах и где множество других прелестей:

**А там, где хибарок
хмельные задворки,
Там запах горчицей
настырной полыни,
Да липкий вьюнок,**

да колючий пустырник,

Да олух-подсолнух

торчит на пригорке.

Ловлю себя на мысли, оказавшейся сродни легкой, но вовсе не обязательной зависти. Человек достиг зрелого возраста, а пишет как увлеченный юноша, осязая вкус и пряные запахи любви, веря в грядущие отрадные события («Детская песенка», «Адреса счастья», «Четыре станции любви»). Прошагав по дороге жизни приличный отрезок, Левченко нет-нет, да и оглянется назад («и все дорожке круг друзей старинных») — ведь в зрелом возрасте друзей не выбирают — взыскательно приглядится к себе настоящему, заглянет в будущее.

Окончание на 12-й стр.

Начало на 3-й стр.

О ДОБРОЙ ПАМЯТИ, О НАШЕМ ВРЕМЕНИ И ПРАЗДНИКЕ ЛЮБВИ

кто знает, наверное, счастье. Незаметное счастье – без названия, смысла и цели, Только с ним мы в несчастьях не раз и не два уцелели. Уцелеем и дальше. Уцелеем, пока еще с нами Благодарная память, благодарная память...

Вроде бы, ничего необычного, так поступают многие. А вот самооценка и выводы интересны. Он давно понял, что в стабильности благополучия и довольстве скрывается серьезная издержки – чрезмерное удовлетворение своим положением, ведущее к снобизму и наплевательскому отношению к близким, и, тем паче, к Господу. Кстати недвусмысленность восприятия библейского, почтительность к Всевышнему является характерной чертой этой книжки.

Наверное, не случайно почитаемые и хорошо известные ранее символисты, акмеисты и другие представители чистого искусства сегодня в большинстве своем преданы забвению за их гражданскую импотенцию и социальную бесхребетность. Николай никогда не скрывал, что не грустит по ушедшему в прошлое режиму, хотя в резких публичных полемиках замечен не был. Я не могу себе представить в его творчестве стихи-плакаты, стихилосунги. В поэзии, как и в обыденной речи, многое решает интонация, у Левченко она душевно-доверительная, пластичная, терпеливо-рассудительная. Poleмика с открытым забралом не для его характера. Ему проще найти иные выразительные средства и высказать свое отношение к происходящему в обществе, оттенить социальное картинкой с натуры: «то, что отнято – того уж не отнимут, значит, нечего жалеть, сутулить спину, и не так страшны сума, тюрма – с неба снегом валится зима».

Его сдержанный оптимизм, а, точнее, догадка, наитие основываются не на законах социального развития общества. Одно только наше поколение перетерпело столько развитых и недоразвитых «измов», что логическая цепочка дальнейшего развития мироустройства никоим образом не выстраивается.

Все же кажется странным, что мир не погиб, не распался,

Видно, кто-то в нем был, кто бесхитростно и терпеливо Сокрушено вздыхал, но трудил свои гиблые пальцы, Полагая, что заново строит сей мир, и построит красиво.

Как говорится, Богу – Богово, кесарю – кесарево. А поэту? Для поэта не пустой звук – родство душ.

На страницах сборника упоминаются Баратынский, Пастернак, Мандельштам, Завальнюк – поэты разных времен и направлений. Не просто поэты, а символы, столпы отечественной культуры, которых роднит трагизм судеб. Леонид Завальнюк – нам родной и близкий, земляк, ныне москвич. Он, как и Левченко, – поэт и художник, переживающий сегодня не лучшие времена. Баратынский – талантливый, современник Пушкина, оставшийся в итоге в его тени, запомнился своей исповедальностью, самоиронией, романсом «Не искушай меня без нужды», деликатным пониманием прелестей жизни. Но настоящее признание пришло к нему лишь в поминальные даты.

Пастернака и Мандельштама, при всей их непохожести, объединяют безусловная поэтическая гениальность и апокалиптический жизненный путь: от аплодисментов и всеобщего обожания до примерной публичной порки (Пастернак), выполненной советскими идеологами с особым рвением, и насильственного лишения жизни (Мандельштам). Два удивительно точных стихотворения «Осени в Благовещенске», связанные с этими именами, породили в моей душе настоящий праздничный весны, хотя и омраченный воспоминаниями об изуверстве прежних правителей, и грустью о традиционно короткой памяти россиян.

Пастернак, известный литературной универсальностью, в зрелом воз-

расте не потерял вкуса к глубокой, мощной любовной лирике. У Левченко «Три возраста любви» в отличие от многих его элегически спокойных и философски раздумчивых стихотворений написано динамично, экспрессивно и с глубокой ответственностью за яркое, всепоглощающее чувство: от безоглядной любви до отвержения и, наконец, до понимания неизбежного – «да, люблю, да, конечно люблю. Жалость – больше любви. Но об этом рассказывать длинно...». А как органично вписался в это стихотворение Пастернак! И эпиграфом, и деликатными обращениями к нему по тексту, как к мудрому современнику, способному, безусловно, разделить и понять глубокие чувства автора.

Левченко вводит в свой текст рифму известного поэта, а читатель любопытствует – так-с, посмотрим, что у вас из этого получится. Получилось нормально и честно. Мандельштамовское «длинноты – ноты» трансформировалось еще во времена тридцатых смертельных, из цензуры ясного дня в траурную ноту. Господи! Ну как же так? Неужели мы все обречены родства не помнить? Неужели мы можем только крушить и низвергать?

Эмоции выносят меня на волну возмущения. А у поэта слог холодовато размеренный и уничтожающе обличительный. И впрямь – зачем правде кричать? Ее и молчащую услышит каждый.

Здесь памятника больше нет.

Он где-то

Чернеет возле университета.

А здесь – лишь пеня из серого бетона.

И скука, и стекло микрорайона,

И чей-то смех. Но все же среди лета

На том бетоне дремлют иногда

Цветы простые дачного букета,

Пионы, ирисы и астры – как тогда.

И хоть немного утешает это.

Поэма, венчающая книгу, предполагает, на мой взгляд, разговор о ней не в формате коротких реплик и ремарок. В нее надо вчитаться, вдуматься. Помолчать. Николай – мастер ставить и задавать вопросы.

Пока что я не сделал автору ни единого замечания, каковы, как у всякого заинтересованного читателя, конечно же, есть. Просто, положительные эмоции при знакомстве с «Осенью в Благовещенске» явно доминировали.

И все-таки. В поэме сквозным образом проходит Редактор. Он легко узнаваем. Наш современник. Незаурядная личность: прозаик, поэт, сосредоточившийся в последнее время на многотрудной редакторской деятельности. Друг автора обсуждаемого сборника. С ним хорошо знакомы, его уважают (любят – слово опасное, боюсь вынести его за скобки) амурские писатели, сотни читателей, молодежь, пробающая литературное перо. Повторюсь: это одно из главных действующих лиц поэмы.

В порядке дискуссии, как говорят официальные оппоненты при защите диссертации, рискну заметить: может быть, стоило предпослать поэме одну строчку: «Посвящается Владиславу Григорьевичу Лецику».

Не знаю, какотреагирует на эту рецензию и последнюю посылку Николай Левченко, а в том, что Владислав со мной долго не будет здороваться – уверен.

Приму, как неизбежное, но в данном случае буду упрямо стоять на своем.

Николай ГЕОРГИЕВСКИЙ,
врач.